

Глава 1

Кто-то однажды подсчитал: если бы на мир обрушилась катастрофа, вероятность выжить у Цзи Ляня составила бы 0,08%. Сам Цзи Лянь ни в какое выживание не верил — не питал по этому поводу ни малейших иллюзий. Но когда апокалипсис всё же пришёл, именно он оказался этими 0,08%. Два года и три месяца он цеплялся за жизнь — и всё равно умер.

Цзи Лянь всегда отличался крепким здоровьем: за всю жизнь простывал, наверное, несколько раз, от силы. Ему и в голову не приходило, что конец его будет таким — голодная смерть.

Сколько времени прошло с тех пор, как он последний раз ел, Цзи Лянь уже не помнил. Желудок, долго остававшийся пустым, вслед за сознанием утратил всякую чувствительность. Само ощущение голода стёрлось из памяти.

Когда он снова открыл глаза, первой его мыслью было вовсе не «почему я ещё жив» — нет, тело опередило разум: желудок скрутило резкой, жестокой судорогой. Будто сознание, оборвавшееся где-то на самом краю, наконец восстановило связь с телом — и вместе с ней пришёл сигнал об угасании.

Звон упавшей посуды — резкий, чёткий — вырвал Цзи Ляня из оцепенения. Краем глаза он поймал дрожащую нержавеющей миску и медленно сел. Именно тогда и заметил: из-под толстого одеяла выглядывала пушистая макушка.

Мысли ворочались медленно. Цзи Лянь тупо уставился на эту чёрную пушистую макушку и сидел так, пока до него не дошло тихое всхлипывание. Превозмогая боль в желудке, он подался вперёд.

Картина прояснилась: под пушистой макушкой обнаружилось круглое пухлое личико. Малыш — совсем кроха — жался к краю кровати и мелко дрожал. Стоило ему встретиться взглядом с Цзи Лянем, как и без того большущие глаза распахнулись ещё шире. Тёмные, точно виноградины, зрачки, промытые слезами, светились насквозь — и были полны испуга. Слезы уже не уместались в покрасневших глазках и катились по пылающим щекам одна за другой.

Малыш шмыгнул носом и выдавил, давясь рыданием:

— Прости, я... я не нарочно их уронил...

Взгляд Цзи Ляня задержался на ребёнке лишь пару секунд — и тут же скользнул вниз, к рассыпанной по полу еде. Соображал он туго, слов малыша почти не разобрал. Просто ткнул пальцем в валявшийся початок кукурузы и сплюснутый пакет молока:

— Это... можно мне?

Ребёнок ждал выговора — а вместо него услышал тихий, мягкий вопрос. Хэ Шэн растерянно захопал глазами, разглядывая Цзи Ляня, в чьём взгляде плескались неприкрытые жадность и надежда, и растерялся ещё больше.

«Это сон, что ли?»

«Почему Сяо-ба говорит с ним таким добрым голосом?»

«Он ещё не проснулся?»

Между тем сознание снова подало сигнал — голод накатывал волна за волной, отчётливо и беспощадно. Тело и так едва держалось: сил не хватало даже стоять на коленях. Прижав руку к животу, Цзи Лянь повторил:

— Можно?

Утром, когда Цзи Лянь поднялся, его тяжёлый, мрачный взгляд скользнул по Хэ Шэну — и тот со страху чуть не упал, именно тогда и опрокинул поднос. С трудом поднявшись с пола, мальчик всё ещё не мог унять дрожь. Страх мешался со смутным чувством вины:

— Т-т-те... те грязные. Я сделаю заново, ты подождёшь? Я быстро...

«Сяо-ба и тётя-няня говорили: тратить еду — значит быть плохим ребёнком. Он поступил плохо. Когда Сяо-ба опомнится — будет ругать?»

«Расскажет папе?»

«Если Сяо-ба его не любит — ладно. Только бы папа не разлюбил.»

При этой мысли слёзы потекли ещё сильнее. Хэ Шэн всхлипывал тихо, почти беззвучно — боялся разозлить Сяо-ба ещё больше.

— Ничего страшного, вытрем — и всё. — Цзи Лянь молниеносно поймал малыша за руку, пока тот не успел уйти. — Выбрасывать нельзя. Я могу это съесть?

Хэ Шэн напрягся всем телом, рука в захвате Цзи Ляня мелко тряслась. Услышав неожиданно слабый голос, он машинально кивнул — голова едва качнулась вниз и не успела вернуться обратно, как в поле зрения снова мелькнула рука. Хэ Шэн зажмурился, ожидая удара.

Пощёчина снова не пришла.

Он осторожно приоткрыл глаза. Цзи Лянь уже подбирал еду с пола: в правой руке кукуруза, в левой — молоко. Ел жадно, торопливо, едва пережёвывая.

Хэ Шэн:...

Ел Цзи Лянь быстро. Кукурузу — казалось бы, возни с ней немало — обглодал в несколько движений. Молоко выпил в один глоток. И всё равно не насытился: взгляд зашарил по полу — не осталось ли чего-нибудь.

Хэ Шэн нашёл под кроватью яйцо и протянул его дрожащими руками. Рот уже открылся, чтобы что-то сказать, — но яйцо моментально переключало к Цзи Ляню. Пару секунд спустя скорлупа полетела на тарелку.

Хэ Шэн:...

Хэ Шэн смотрел на скорлупу в тарелке круглыми от изумления глазами. Впервые в жизни он почувствовал нечто похожее на восхищение перед этим непредсказуемым Сяо-ба.

«Сяо-ба ест совсем как Паньпань. Только красивее и аккуратнее — Паньпань мясо жуёт вместе с костями, а Сяо-ба так быстро почистил яйцо! Ну и ну...»

Цзи Лянь понятия не имел, что творится в голове у малыша, и уж тем более не знал, что тот мысленно сравнил его с собакой. Поморщившись от боли в желудке, спросил:

— Ещё есть что-нибудь?

По всем законам здравого смысла первым делом следовало бы найти лекарство или вызвать врача. Цзи Лянь думал только об одном — поесть.

— Е-е-есть, — кивнул Хэ Шэн.

Хэ Шэн забился под обеденный стол, укрывшись за стульями. Из темноты торчали лишь два огромных чёрных глаза — его любимое убежище. Здесь, за стульями и столешницей, страшные вещи случались реже: мебель загораживала его от тёти-няни и от Сяо-ба с их пугающими лицами.

Прямо перед ним — открытая кухня. Двухдверчатый холодильник распахнут настежь. Цзи Лянь сидел перед ним по-турецки: у ног — ворох пустых пакетов и упаковок, щёки раздуты, рука снова тянется внутрь.

Сладковатый запах сливок плыл по кухне вместе с холодным воздухом. Хэ Шэн невольно сглотнул. Он завтракал — но сейчас желудок предательски заурчал. Впрочем, сейчас было не до этого.

Кажется, Сяо-ба заболел.

Три месяца назад папа — Хэ Минчэнь — неожиданно привёл домой Цзи Ляня. Хэ Шэн тогда очень волновался. Но тот Цзи Лянь был добрым: сам здоровался с робким малышом, покупал ему игрушки, возил в парк аттракционов, играл с ним.

Через полмесяца папа спросил, нравится ли ему Сяо-ба. Хэ Шэн кивнул не раздумывая. Нравится.

Вскоре Цзи Лянь стал его Сяо-ба.

Хэ Шэн был на седьмом небе от счастья. Папа вечно занят и почти никогда не бывает дома, а тётя-няня с ним не играет — терпения не хватает. Добрый, терпеливый Сяо-ба стал его первым настоящим другом. Больше не надо быть одному.

Но радость длилась недолго.

Едва переступив порог как новый член семьи, Цзи Лянь изменился. От прежней мягкости не осталось и следа — только холодность и раздражение. Если Хэ Шэн делал что-то не так, то получал саркастические колкости.

До свадьбы с папой Цзи Лянь сам готовил ему завтраки и обеды. Теперь же всё было наоборот — Хэ Шэн прислуживал Сяо-ба. Сначала не умел ничего, получал нагоняи от обоих — и от Сяо-ба, и от тёти-няни. Постепенно освоил несложные блюда. Помогло то, что Сяо-ба следил за фигурой и ел всего два раза в день — что-то простое: разогреть или сварить.

И вот теперь всё опять переменялось. Хэ Шэн опрокинул завтрак — а Сяо-ба не накричал. Молча подобрал еду с пола и съел.

Хэ Шэн не расслабился. Происходящее было слишком странным. Он осторожно ткнул пальцем в экран часов-телефона на запястье. Обычно экран загорался от первого же прикосновения — но теперь не реагировал.

Хэ Шэн не отрывал взгляда от спины Цзи Ляня и что-то бормотал себе под нос, обращаясь к мёртвому экрану:

— Пап, Сяо-ба, кажется, и правда заболел. Он... он не накричал на меня. Он больше меня не ненавидит? Может, он снова полюбит меня?

«Снова полюбит — как раньше.»

«Нет, это слишком много. Не надо дружбы. Пусть просто не ненавидит. Пусть не кричит.»

Хэ Шэн бормотал в молчащие часы, а холодный воздух из открытого холодильника расползался по кухне, перебивая тепло отопления. Мальчик поёжился — и в тот же миг Цзи Лянь рухнул прямо перед ним на пол.

Хэ Шэн застыл с широко раскрытыми глазами.

Долго сидел неподвижно.

Потом — после долгой внутренней борьбы — осторожно выполз из-под стола. На негнувшихся ногах подобрался к лежащему. Цзи Лянь был без сознания: глаза закрыты, лицо бледное, в уголке рта — след сливок, губы чуть порозовевшие от еды, но крепко сжатые брови говорили: ему нехорошо.

Желудок насытился, боль отступила. Затуманенный разум наконец заработал — и впустил в себя чужие воспоминания, которых у Цзи Ляня никогда не было.

Так он и обнаружил, что угодил в дансяо-роман. В тот самый, где носил имя этого тела. И стал местным злодеем-пушечным мясом.

Оригинальный персонаж не просто прожил в доме главного героя — рецептивного Цзи Ваня — больше двадцати лет за его счёт, но ещё и женился на главном персонаже-активе, Хэ Минчэне.

Семьи Цзи и Хэ были давними знакомцами. Оригинал с детства был влюблён в Хэ Минчэня — старшего на семь лет. Но тот не замечал его в упор.

Хэ Минчэню нужна была фиктивная супруга, чтобы убедить семью согласиться на усыновление Хэ Шэна. Оригинал ухватился за шанс, явился сам. Пережил полмесяца проверки — и заключил договор о браке по расчёту.

До официальной росписи оригинал мастерски изображал любящего отчима: втёрся в доверие к трёхлетнему Хэ Шэну, провёл за нос и Хэ Минчэня. Когда соглашение было подписано, маска слетела. Семейная жизнь оказалась совсем не такой, как он рассчитывал: Хэ Минчэнь по-прежнему пропадал на работе. Оригинал быстро потерял терпение — возиться с ребёнком было невыносимо. Они с тётей-няней нашли общий язык и вместе скрывали от Хэ Минчэня, что творится дома на самом деле.

Три месяца Хэ Шэн терпел — и физическое насилие, и психологическое давление. Тихий и пугливый от природы, он стал ещё более замкнутым и боязливым. Отцу ничего не говорил. А оригинал жил себе припеваючи.

Но вечно так продолжаться не могло.

Чтобы поднять хайп, оригинал взял Хэ Шэна на детское реалити-шоу. Маска там и слетела окончательно. Правда о жестоком обращении с ребёнком вышла наружу — а вдобавок всплыли измены во время брака. Хэ Минчэнь выставил его за дверь. Без того утопавший в скандалах, оригинал превратился в самого ненавидимого человека в сети.

Конец у него был такой же, как у Цзи Ляня в прошлой жизни: полуживой от голода, неспособный сопротивляться, забит насмерть бродягами, дравшимися за еду.

Видно, не просто так он только что заново пережил голод на собственной шкуре — в полубреду приснился этот финал во всех подробностях. Цзи Лянь проснулся в холодном поту, распахнул глаза — и тут же зажмурился от яркого света потолочной лампы.

— Ну и растяпа! Такого простого дела не можешь сделать нормально. С тобой никто не захочет дружить!

— Хнык... прости, я... я в следующий раз буду держать крепче...

— Эх, был бы ты родным ребёнком папы — другое дело. Жалко, что не унаследовал папины гены. Когда у папы будут свои дети, тебя бросит.

— Ухуху...

Слух восстанавливался по мере того, как прояснялось сознание. Где-то неподалёку тихонько плакал ребёнок.

Этот голос он слышал совсем недавно.

Хэ Шэн.

<http://bllate.org/book/18977/2162716>